

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ
КОМПАС
ЧЕРНОГО КАПИТАНА

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 777

Художник
С. Шикин

Поголяй Ю. А.
П43 **Компас черного капитана: Фантастический роман.** —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 313 с.: ил.—
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1220-4

Когда в заснеженной деревне появляется загадочный старик, жители встречают его радушно, не догадываясь, какую беду он им принесет. Но когда ночным кошмаром оживают древние легенды, становится слишком поздно что-то менять. Следом за стариком в деревню прибывают черные капитаны и их слуги — ледовые гончие. Демоны не пощадят никого. Им нужно то, что прятал старый моряк. То, что способно изменить в этом мире абсолютно все. То, что случайно оказалось в руках выжившего мальчика.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1220-4

© Поголяй Ю. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Мне непросто приступить к рассказу о тех событиях. Честно говоря, я даже не знаю, с чего лучше всего начать. Что должно стать первыми строчками? О чем поведать, прежде чем перейти к самой истории? Так хочется выложить все и сразу, но...

Давайте сначала я коротко расскажу вам о моей родине. Деревне, с которой все началось. Это не отнимет у вас много времени, и мне кажется, для вас эта крошечная предыстория будет интересной. Ведь часто жители крупных городов не могут себе представить, как живут обитатели далеких поселений, затерянных в ледяных пустынях. У той жизни есть свои минусы и свои плюсы.

И скажу прямо — я скучаю по Кассин-Онгу (так называлась моя деревня). Она находилась в двух неделях пути от ближайшего острова, на котором расположился свободный город Снежная Шапка. Путь, мягко говоря, неблизкий и непростой. Многие лиги льдов, заструг, лабиринтов из покатых гребней торосов да древних, посеревших от времени айсбергов. Воюющая морозная пустыня, раскинувшаяся от горизонта до горизонта и рассеченная вколоченными в лед путевиками. Длинная цепь обледенелых черных стержней — единственное, что связывало Кассин-Онг и Снежную Шапку.

С самого детства мне казалось, что далекий островной город находится в другом мире. В том, где я никогда не побываю. И куда меня, честно говоря, никогда не тянуло. Я был убежден, что вся моя жизнь будет длинной чередой душных дней в теплице Пухлого Боба, среди ровных грядок овощей и трав да катаний по глетчерным ледовым горам Дальнего Кряжа.

Я ошибался.

И сейчас, оглядываясь назад, понимаю, как же на самом деле мне повезло с детством. С суровым, вечно холодным детством, прошедшим на краю вселенной, в крошечной деревушке, где не ведали ни об одной беде большого мира. Я вспоминаю яркое солнце, играющее с морозными рисунками на стеклах и заставляющее улыбаться, я вспоминаю запах завтрака и тихие кухонные разговоры, доносящиеся из-за стены. В углу всегда шипела жаркая печка, а ноздри тревожил чудесный аромат рыбы. Светлый Бог, как же вкусно жена моего кузена готовила рыбу! Пальчики оближешь.

Теплая комната, солнечные рисунки на стенах, вечный снег и жареная рыба — вот они, мои воспоминания. Я помню, как солнце скрывалось за ледниками Дальнего Кряжа, и снег, покрывший вселенную Кассин-Онга, сверкал, словно россыпь драгоценных камней. То было хорошее время. И даже те дни, когда я работал у Пухлого Боба, — сейчас мне кажутся беззаботными. А я вкалывал, как проклятый. Старался до одурения: полыл, поливал, окучивал. Боролся с вредителями, заводящимися словно из воздуха, и с замиранием сердца собирал с влажных проходов между грядками крупички драгоценной земли. Радовался, что теплица, как и вся деревня, стоит на платформах и ей не страшны глупые, но чрезвычайно упорные шаркуны, способные прогрызть пол в жилище. Эти покрытые жестким панцирем твари на севере встречаются значительно чаще, чем на юге.

Вообще Кассин-Онг — это россыпь приземистых домов, издалека кажущихся заснеженными куполами больших сугробов, угнездившихся на металлических островках. Это паутина узких навесных переходов-улочек между ними да бахрама спускающихся на лед лестниц. На южной окраине, чуть в сторонке, ждали своего часа огромные тяговые ледоходы, готовые в любой момент перетащить деревню, куда укажет староста Глонга. Мой кузен Лумен помогал инструментарию следить за двигателями многотонных гигантов. Раз в день как минимум они заводили тягачи и вслушивались в ровный стук, опасаясь услышать чуждые звуки, знаменующие кончину ледохода.

На центральной (самой высокой и широкой) платформе располагался дом старосты. С его крыльца можно было без тру-

да разглядеть всю деревню, а в хорошую погоду и путевики, ведущие в Снежную Шапку. К жилищу Глонги примыкала таверна Пухлого Боба. Чуть к северу от них, на том же островке, поднимался купол теплицы, составленный из тысяч маленьких заговоренных стекол, пропускающих солнечный свет, но не выпускающих драгоценного тепла.

Это была главная площадь нашей деревни. Самый большой островок металла, соединенного с прочими узкими трапами.

Кассин-Онг держали могучие сваи, заканчивающиеся широкими полозьями. Но последние лет сто, а то и больше, наша деревня никуда не переезжала. Темный Бог лютовал где-то далеко на юге и в наших краях не появлялся, для большинства оставаясь лишь страшной легендой. Так что у многих островков лед окончательно поглотил металлические полосы, выкованные и зачарованные еще в те времена, когда рядом с деревней вздымались к небу железные леса, которые-то и пошли на изготовление санных опор. Теперь за металлом приходилось отправляться на север, за Дальний Кряж.

Кое-кто, конечно, тщательно сбивал намерзший лед со свай (слава Светлому Богу — сами полозья после шаманских чар не промерзали), но на таких обычно смотрели со снисходительной улыбкой, совсем уж расслабившись в покое северных краев.

Еще в Кассин-Онге был хороший шаман, потомственный. Из старого народа, по слухам, ведущего свое начало от кого-то из Добрых. Его семья и основала эту деревушку много лет назад. От чего бежали предки старика и нашли ли то, к чему стремились, — мне неизвестно. Я знаю только одно — Сканди ан Лиан был душой и сердцем нашей деревни. С ним никогда не бывало перебоев с топливом, а наши дома и ледоходы всегда хранили в себе тепло.

Раньше он никогда не сидел на месте, обходя деревню и предлагая свое мастерство, но в последние годы сила его уже была не та, что прежде. Стареющий кудесник все реже покидал теплый трюм своего корабля-храма. За исключением тех случаев, когда дело касалось топлива. Даже когда баки могучих машин были заполнены доверху — шаман все равно отправлялся за льдом и превращал его в энгу. Энгу, дающую жизнь. Энгу согревающую. Энгу — спасительницу всего человечества.

Здесь постоянно лютовали холодные зимы: температура опускалась иногда до минус шестидесяти градусов, но вот летом, в самые жаркие дни, поднималась выше нуля, и лед начинал подтаивать. Затягивались лунки шаркунов, теплел воздух, и дышать становилось чуточку тяжелее, чем обычно. И вдобавок ко всему появлялся талый лед... Работники рыбных шахт в такие дни старались на промысел не выходить. Проходы становятся опасны — и один раз поскользнувшись наверху, можешь очнуться уже в ледяной воде, пролетев многие ярды холодных коридоров, проделанных шахтерами.

Именно так погибли братья ан Бауди. Мой отец и мой дядя (отец Лумена) ушли к Темному Богу в один день, когда мне не было и трех лет. Это был день талого льда. Конец задержавшегося лета. Нужда и начинающийся голод толкнули опытных рыбаков на промысел в опасное время и обрекли их на смерть... Мать Лумена вскоре зачахла и последовала за мужем. А моя мама умерла еще при родах. Так мой двоюродный брат стал моим «папой».

Талый лед часто губит рыбаков в шахтах.

Так говорил мне брат, и я верил ему, потому что у него не было причин врать. И потому ненавидел лето в Кассин-Онге, хотя до безумия любил свою деревню. Да и до сих пор люблю, несмотря на то что знаю — прошлого не вернуть...

Глава первая ОДНОГЛАЗЫЙ

Все началось, когда из Снежной Шапки пришел закутанный в шкуры Одноглазый. Это был крепкий, бывалый и удивительно выносливый человек уже преклонного возраста. Не каждый молодой охотник сможет протянуть столько дней в холодной пустыне.

Одноглазый — смог. Он пришел в Кассин-Онг в середине дня. Черная точка на ослепительном снежном полотне выросла и превратилась в высокого, неуклюжего из-за множества шкур странника, чье лицо скрывали намотанные и заиндевевшие шарфы, а единственный глаз закрывал сетчатый окуляр, защищающий от снежной слепоты.

Несмотря на долгий путь, Одноглазый не показался никому уставшим. Это был неторопливый, уверенный путник, шагающий мимо путевых столбов так легко, словно каждый день ему доводилось добираться до мест еще более далеких, чем тихий Кассин-Онг.

Старик прошел мимо спящих тяговых ледоходов, ловко забрался на мостки, связывающие все дома в деревне, и, стуча острыми зубьями «кошек» по обледенелым металлическим плитам, без ошибок нашел дом старосты. Удивленный Глонга смело открыл незнакомцу и поспешно пригласил замерзшего гостя к себе домой.

Так в нашей деревне появился Одноглазый. Человек с темным прошлым, со злым взглядом, грудой почти бесполезных в наших краях монет и с мешочком порошка, сделанного из высушенного черноуса. Последнее богатство позволило незнакомцу быстро стать одним из нас. Странно, что при таких деньгах он не прибыл на роскошном ледоходе южных мастеров, способном преодолевать как ровный лед, так и проламывать

торосы. Говорили, что южане умеют делать корабли-фреты, ходящие и по воде. Конечно, не в наших краях, где та сокрыта под многоярдовой промерзшей броней, а далеко отсюда, у Южного Круга. Где лед становится тоньше, превращается в ледяное сало, а затем переходит в ядовитые, отравленные воды запретных мест. Прежде я считал эти рассказы сказками, но что-то в облике Одноглазого несло печать другого мира. Четкого. Достоверного. Зловещего.

Сказать честно — я боялся этого седого морщинистого старика. Его уцелевший глаз смотрел на мир с недобрым огоньком и вечно слезился, а на морозе словно покрывался прозрачной пленкой, отчего казалось, будто смотришь на мертвеца. И только облачка пара изо рта, оседающие искрящимися кристаллами на одежду, говорили о том, что суровый моряк еще жив.

Он никогда не рассказывал нам о своей жизни «до» Кассин-Онга. Лишь загадочно хмыкал, когда кто-нибудь пытался разговорить его о прошлом. По вечерам старик приходил в таверну Пухлого Боба напиваться, а все остальное время торчал в доме, принадлежавшем когда-то моему отцу.

Это было едва ли не единственное пустующее жилище в нашей деревне. Хижина с доброй печкой и крепкими стенами стояла на северо-западной окраине, и мимо нее вела единственная, практически безлюдная тропа в деревню, по которой ходил только я, когда отправлялся на работу в теплицу, да наши соседи, семья ан Эфталов, живущая на соседней платформе. Одноглазого не смутило то, что он заселяется в дом мертвеца, и это еще больше оттолкнуло от него людей. Впрочем, старик и не стремился заводить себе друзей. Даже вечерами, когда он пил шаркунку, горький согревающий напиток, настоящий на вытяжке из кожи шаркунов, не искал компании. Моряк всегда старался держаться в самом темном углу, подальше от остальных мужчин.

На странности Одноглазого вскоре перестали обращать внимание. Он сросся с Кассин-Онгом. Он стал его частью. Его деревенским пугалом.

В нем нашлась еще одна странность: когда из Снежных Холмов приходил ледоход торговца Арри ан Домда с грузом товаров на обмен, Одноглазый старался в деревне не показываться и из дома не выходил. Как-то раз я шел мимо, мечтая быстро

расправиться с делами в теплице и навестить лавку Арри. Торговец остановился на западной пристани, в двух островках от моего дома, немало расстроив жителей восточной окраины, которым теперь приходилось долго плутать между мостиками, чтобы добраться до теплого магазинчика с разными диковинками. А у меня это роскошное чудо оказалось под боком. Радостно улыбаясь, я уже придумывал, на что потрачу скопленные сокровища, как вдруг увидел, что Одноглазый стоит у окна, и его взгляд, направленный на красивый ледоход ан Домда, так напряжен, будто старик смотрит на свою смерть и раздумывает, успеет ли убраться подобру-поздорову.

Заметив мой интерес, он внимательно посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся. От улыбки его лицо расцвело, будто солнце коснулось высокого лба и прогнало тьму, скопившуюся в древних морщинах.

Подмигнув мне, он бросил еще один взгляд на ледоход Арри и исчез в недрах дома. В тот рейс ничего из ряда вон выходящего не произошло.

А спустя несколько месяцев, незадолго до начала осени, торговец приехал к нам еще раз...

— Ну, Боб, славная у тебя похлебка, клянусь плавниками Темного Бога, — сказал Арри ан Домд и, пыхтя от удовольствия, отодвинул плошку в сторону. Широколицый, рано облысевший купец каждый вечер приходил в таверну Пухлого Боба. Это был целый ритуал. Проведя целый день в торгах, выменивая у нас рыбу с дальней шахты, выделанные шкуры белых оленей да овощи из теплицы, он с наступлением заката неторопливо шел сюда. И за ним тянулись те, кто хотел услышать новости.

— Только у тебя такую и можно отведать.

Пухлый Боб, который на самом деле был настолько худ, что казался больным, лишь слегка улыбнулся, но кончики его ушей покраснели.

— Хорошему человеку — добрую еду, — высоким голосом ответил Боб.

— Отсюда и до блуждающих городов Содружества нет вкуснее похлебки, Боб. Что ты в нее добавляешь? — Раскраснев-

шийся Арри откинулся на спинку и обвел взглядом притихший зал. Десятки глаз ловили каждое его движение, и большинство из них были детскими.

— Какие сказки, о чем вы. Нет ничего лучше историй торговца ан Домда.

— Секрет, Арри, — улыбнулся Боб. — Если я тебе расскажу, так ты и приезжать перестанешь.

— Это тоже было ритуалом.

— Рассказывай, Арри, чего нового? Что творится в большом мире? И кто это с тобой приехал?

Вместе с купцом и его семьей в нашу деревню прибыл молодой паренек в хорошо пошитой шубе. Он весь день ходил по деревне и рассматривал наши ледоходы. Больше всего незнакомец крутился около двух совсем древних тяговых машин, предназначенных для того, чтобы таскать дома, но безнадежно сломанных. С них даже гусеницы сняли, разобрав на запчасти. Мертвые остовы стояли рядом с жилищем Одноглазого. Странно, паренек ничуть не заинтересовался могучим ледоходом Пухлого Боба, который мог легко сдвинуть с места платформу с огромной теплицей, домом старосты и таверной.

Когда солнце нырнуло за Дальний Кряж, незнакомец отправился на корабль купца, а сам Арри пришел в таверну. Я сидел среди тех, кто урвал себе местечко совсем рядом со столом пресытившегося ан Домда.

— Не знаю, Боб. Какой-то ученик из блуждающих городов, а может, и из южных королевств. Богатый дурачок. Платит мне за постой чистейшим взрывным порошком. Много еды не просит, тихий, спокойный. Вежливый очень. Жена моя в нем души не чает, а ты знаешь, какая она привереда. Да, — оживился Арри, — есть у него прибор какой-то. Думаю, что из самой Ледяной Цитадели! Вот с ним он постоянно возится как с ребенком малым.

При упоминании о Ледяной Цитадели у меня даже дух захватило. Если город Снежная Шапка казался мне очень далеким краем, то что сказать о затерянной во льдах твердыне безумного братства? Я знал только то, что скалистый остров, покрытый священным лесом, находится дальше, чем блуждающие города, дальше, чем вечно воюющий Берег (который и так

мог быть выдумкой Арри), дальше, чем Черные провалы, южные королевства и Мертвые поля.

Но я никогда не сомневался в том, что загадочная Ледяная Цитадель существует на самом деле. Даже в таверне Пухлого Боба был волшебный механизм, предсказывающий бури. И ни у кого не возникало сомнений в том, что горящий в ночной мгле прибор когда-то давно находился в глубине далекого острова.

Я видел артефакт незнакомца. Небольшой, с тремя антенками. Именно с ним паренек и крутился возле старых ледоходов. Интересно, что он искал?

Сейчас это для меня очевидно. А тогда я и подумать не мог о таком повороте.

— Темный Бог появлялся у Черных провалов, — вдруг сказал Арри. И мы замерли, все как один затаили дыхание, услышав зловещую новость. — Так что там теперь жарко. Городок Вьюжный переехал на несколько лиг в сторону, но сами понимаете. Там будет небезопасно.

— Хорошо. Есть несколько спокойных лет, — прокаркал старый Уэнс, наш столяр-инструментарий. Дерево в наших краях появлялось редко, а в эту ходку Арри вообще его не привез. Впрочем, сухопарый, похожий на топор Уэнс не расстраивался. Его умения были в деревне на хорошем счету. Если нужно что-то отремонтировать — пусть из дерева, пусть из железа, — позовите старика Уэнса. Он побрюзжит, он пожует ваши нервы, но поможет. Его ученик, мастер Кунц, вместе с моим братом ухаживал за ледоходами. Но просить ядовитого Кунца посмотреть что-то, не связанное с владельцами снежных просторов, — напрасное дело.

Мы, дети Кассин-Онга, не любили худого Кунца и обожали его учителя.

— Плохие слова говоришь, старик, — всплеснула руками Санса, жена Пухлого Боба. Она стояла у выхода на кухню и вытирала полотенцем руки. Я с восторгом посмотрел на нее, на пару мгновений забыв о торговце. Мне так нравилось наблюдать за ней, слушать ее. И держаться на расстоянии. — Страшные, — добавила она.

— Тише, женщина, — сморщился Уэнс. — Ничего такого я и не сказал. Уж лучше Темный Бог появится у провалов, чем рядом с нами.

Народ, собравшийся в таверне, закивал. Проломы, остающиеся после нападений огромного и могучего подледного бога, не затягивались месяцами и кишели рыбой да морским зверьем. И потому становились местом паломничества для вольных рыбаков, охотников. За ними следовали ледоходы инструментариев, поваров, торговцев, кожевников. Подтягивались мини-теплицы и могучие гостиничные тягачи. Следом шли бордели, лихие люди, черные шаманы. На огонек забредали свободные дружины, поблизости начинали кружить пираты, работаровцы, каперы, охотники за головами.

В несколько дней тихое место превращалось в бурлящий край, где лилась кровь и творились самые темные дела. Хорошо, когда Пролом образовывался дальше к югу, в краях холодных королевств, где встречался какой-никакой, а закон. К северу всегда царили другие порядки.

— Теперь несколько лет мы можем жить спокойно, женщина, — подытожил Уэнс. Дрожащими руками притянул ко рту кружку и сделал шумный глоток. — Может быть, на моем веку я больше и не услышу о Темном Боге.

Он улыбнулся беззубым ртом.

Уэнс ошибался.

Арри ан Домд уехал через три дня, и в тот вечер Одноглазый пришел в таверну Пухлого Боба, заказал себя шаркуновскую настойку и угнезвился в своем любимом уголке. Выглядел он усталым. И я чувствовал, как давит ему что-то на плечи, как сжимают бывалое морское сердце холодные пальцы тревоги.

Это не пустые слова. Я — эмпат. Так меня называл шаман Сканди. Я могу слышать настроение другого человека, его чувства. Обычно, конечно, не обращаю внимания на беспокойный фон, царящий вокруг, но иногда чужие потоки эмоций просто разрывают мой мир в клочья. В нем шевелятся острые щупальца боли, проступают игольчатые лапы тревоги или окутывает пушистый, алый мех любви. Это ассоциации — первое,

что приходит в голову. И я не знаю, как описать эти ощущения иначе.

От Одноглазого веяло металлическим запахом массивных кандалов усталости, за которыми метался маленький ярко-зеленый страх. Почти неуловимый. Когда я почувствовал это — даже не поверил. Разве это возможно, чтобы старый моряк хоть чего-нибудь боялся?!

Сам я задержался, помогая Пухлому Бобу с уборкой большого зала. В тот вечер в таверне оставались только старик Уэнс и Одноглазый. Каждый сидел в своем углу, и оба потягивали горячую настойку. Я же натирал пол, смахивая с лица пот, и совсем не думал о жутком холоде, царящем снаружи. За окном стемнело, а вдобавок еще и поднялась метель, раскачивая шаманские фонари, освещающие тропки-мостики. Свист и вой вьюги пробивались даже сюда.

Пока я прибирался — никто из стариков так ни слова и не проронил. Одноглазый мертвецом смотрел в окно, на качающиеся фонари. Уэнс покашливал, елозил на лавке и шумно вздыхал, но молчал. Я чувствовал себя очень неудобно. Мне хотелось самому спросить хоть что-нибудь, лишь бы прервать эту угрожающую тишину.

Обычно разговорчивый, сегодня Уэнс пугал меня своим угрюмым видом. И иногда он с непонятной тревогой посматривал на Одноглазого. Старика-инструментария разрывало на части желание что-то спросить у моряка, о чем-то пообщаться, но он медлил, выжидал.

После уборки мне предстояло заглянуть еще и в теплицу, и я с огромной радостью затащил ведро и швабру в чулан, вытер насухо лицо и руки, переоделся, натянул унты со стальными зубьями на подошве, влез в теплый, любимый тулуп и нахлобучил сверху шапку. Последним делом натянул рукавицы.

Шарф и очки я брать не стал. Темно уж, да и до теплицы недалеко.

— До свидания! — торопливо бросил я старикам и выскочил в прихожую. Здесь уже было значительно холоднее, но всего лишь чуть меньше нуля — хватало тепла от печи таверны. Прищурившись, я распахнул дверь на улицу и вышел в метель.

По лицу сразу хлестанула обжигающая поземка, и на миг мне даже стало жарко от пронзившего мое тело холода. Безмол-

вно выругавшись, стараясь не размыкать губ, чтобы не лопнули зубы (а я видел, как такое бывает), я захлопнул за собой дверь и поспешил к теплице, прикрыв одной рукой рот, а второй придерживаясь за перила дорожки.

Под ногами гудели и стонали железные листы, нависающие надо льдом. Где-то сверху противно скрипел фонарь, и пятно света плясало в ночи, рисуя на снегу причудливые тени.

Добежав до сияющей шаманскими фонарями теплицы, я быстро заскочил внутрь, открыл дверь в прихожую и через несколько мгновений оказался в душном мире Бобовой фермы.

Повесив тулуп у двери, я устало выдохнул, озираясь. Работать совершенно не хотелось. Мышцы уже сейчас ныли от усталости, а из-за тепла и влажности глаза сами собой начали слипаться. Сейчас бы забраться куда-нибудь в сухой уголок, накрыться с головой и просто вытянуть руки и ноги, чувствуя сладкие волны отдохновения.

Но я отогнал в сторону предательские мысли. Отлынивать просто нечестно. Это то же самое, что сесть на шею двоюродного брата и его жены и бездельничать. Вряд ли можно придумать что-то постыднее. А за хорошую работу Боб всегда достойно платит. Отчего очень часто на нашем столе оказываются свежие овощи его фермы.

Честно говоря, я не любил теплицы Боба. Как и не верил ничему, что могло растопить снег. Мне было очень душно среди этих покрытых зеленью грядок, протянувшихся на сотни шагов и опутанных паутиной парящих труб. Я ненавидел тарахтение котла, согревающего ее, и меня угнетал тягучий запах энгу, огромные баки с которой стояли по ту сторону от высоких стеклянных стен. Но больше всего мне была в тягость долгая и кропотливая работа на улице, когда в солнечные дни мне приходилось расчищать купол теплицы.

При этом я понимал, как же мне повезло с добросердечностью Пухлого Боба. Хозяин нашей таверны был добрым, хорошим человеком. Он мог прогнать меня в любой момент из трактира и теплицы — и взять на мое место кого-нибудь из девчонок. Которые уж точно были намного старательнее и аккуратнее меня. Которые бы с радостью пололи, прореживали, окапывали, ровняли, обрезали и поливали все это пахучее буй-

ство природы, которую от вечного льда отделяло лишь несколько слоев толстого, заговоренного шаманом стекла.

Но ни одна из них не была сиротой. И ни одна бы не полезла на промерзший купол, чтобы сколоть лед и очистить стекла от снега.

Однако мне мечталось о другой стезе. В которой не нужно будет гнуть спину и большую часть дня проводить на четвереньках, осторожно стряхивая с себя драгоценную землю и следя за тем, чтобы ни одна крупинка не пропала. Но это были неопределенные мечты. Я не хотел быть рыбаком, меня тяготили темные недра недвижимых тягачей, когда мой брат брал меня с собой и мы с мастером Кунцем лазали по холодным палубам. Путь охотника или инструментария мне тоже не нравился. Я не хотел провести свою жизнь у плиты, не хотел обрабатывать металл, я не хотел ничего из того, чем занимались взрослые в деревне. Я хотел чего-то другого... Чего-то необычного. Меня тревожили легенды о Добрых. Но о других местах я, как и говорил, не мечтал и не думал, что мне придется покинуть Кассин-Онг, чтобы присоединиться к великому братству.

Так что работа на ферме была вынужденной мерой, а не призванием. Вы же не можете представить себе, что до конца своих лет копаетесь среди грядок и ничего другого не увидите? И я не мог.

И потому, ковыряясь в земле, всегда думал о чем-то другом.

...Дверь в теплицу открылась, когда я возился с грядками редиса, в душе уже мечтая о том, как доберусь до дома, тихонько прошмыгну мимо обогревающего котла в свою комнату и зарююсь в теплые мягкие шкуры. В первый момент я подумал, что это пришел сам Боб нарвать зелени к столу, ну или еще за чем-то. Однако когда увидел Одноглазого, я обомлел.

Старик осторожно прикрыл за собой дверь, выпустив в прихожую облако пара, и прислонился к ней спиной.

— Доброго дня... — сказал я ему, не зная, как мне называть его и сетуя на свою растерянность. Своего имени он никому не говорил, а меж собой мы его иначе как по прозвищу и не звали. — Боб не любит...

— Здравствуй, мальчик, — улыбнулся он и принялся. Глаз его заблестел. Несколько мгновений старик просто глубоко дышал, наслаждаясь ненавистными мне запахами.

— Простите... Но Боб...

— Подожди, мальчик, — поморщился он. — Подожди... Я вижу, ты нормальный парень. Работающий, толковый.

Он боялся. Сейчас он боялся гораздо сильнее, чем когда сидел в таверне. Мне даже показалось, будто он дрожит.

— Ты же не старая, пьяная и болтливая развалина, да... — пробубнил Одноглазый и отлепился от двери. Сделал пару шагов ко мне, и я неожиданно попятился. — Не бойся, парень. Не бойся. Тебе не надо бояться.

Он долго и прерывисто вздохнул, а затем повторил:

— Тебе не надо бояться...

Я смотрел на него исподлобья, пытаюсь разобрать ту бурю чувств, что испытывал старик. Здесь были и страх, и гнев, и усталость, и отчаяние, и непонятная злость.

Но позади всего я разглядел небольшой огонек радости. Несмотря на все черные эмоции, обуревающие Одноглазого, он чему-то радовался.

— Ты умеешь хранить секреты, парень? — Старик засунул руку себе под ворох шкур, нащупал что-то и коротко улыбнулся. — Настоящие секреты, вникаешь?

Я понимал и поэтому отрицательно замотал головой. Мне не хотелось знать никаких секретов, связанных с Одноглазым.

— Такой хороший парень и не умеешь? — Он облизнулся. Его язык был серым, словно сделанным из камня.

Я вновь мотнул головой и сделал шаг назад.

— Тот пьяный старикан в кабаке сказал мне... Что здесь был человек с юга. И что он крутился у того дома, где я живу. Это так, парень? Или он пропил последний разум?

Волна его страха почти оглушила меня, в глазах на миг померкло. Меня как будто ударили мягкой подушкой в лицо.

— Так? — с тоской спросил Одноглазый.

Я коротко кивнул.

— Проклятье. Дранный демон! — зло прошипел старик. Его взгляд соскользнул с меня и уперся в грядку с редисом. — Дранный демон! Я надеялся, что тот дуралей спяну соврал!

Мне стало страшно. Передо мной вдруг оказался не пожилой моряк, живущий в доме моего покойного отца, а озверевший пират. Хищник, изготовившийся к атаке. Минуту он ворчал, бормоча себе под нос и с силой сжимая что-то на груди.

Все это время я умолял судьбу, чтобы она послала в теплицу Боба, Сансу, Сканди, Глонгу... Кого угодно, но лишь бы тот отвлек обезумевшего старика.

— Ох, парень, не повезло нам с тобой, — неожиданно успокоился он. — Очень не повезло.

— Почему «нам»? — осторожно поинтересовался я.

Одноглазый ослабилась, но в нем проскользнула тревога.

— Всем не повезло, парень. Вникаешь? Это скаут был. Маленькая сошка, за которой подтянется рыбина покрупнее. Хе-хе. Не знаешь, кто-нибудь здесь продает ледоход? — неожиданно спросил он. — Боюсь, скоро здесь будет холоднее, чем в преисподней.

— Простите...

— Это плохие люди, парень. Очень плохие люди, вникаешь? И они сделают мне немножечко больно, если найдут меня здесь...

— У нас никто не продает ледоходов, добрый господин, — неуверенно улыбнулся я. Мне очень хотелось прекратить этот неудобный разговор. Перестать чувствовать тьму и зло, бурлящие внутри Одноглазого. По его морщинистому лбу потек пот — все-таки здесь много жарче, чем на улице, а старик все еще был в теплом тулупе.

— Неужели ни один? Я видел два совсем старых ледохода рядом с моим домом. Они точно никому не нужны, а я могу много дать за них, вникаешь? У меня уйма драного черноусового порошка, будь он проклят!

— Это мертвые ледоходы, господин. Их никак не починить, — сказал я. Мне хотелось добавить, что никто в здравом уме не согласится продать свой ледоход. Без ледового корабля у нас никак не прожить. Что, если шаман учует приближение Темного Бога и придется перетаскивать деревню на новое место, а? Кто согласится погибнуть, потому что продал ледоход безумному старику и оказался без защиты перед лицом подледного властелина?

Но я промолчал.

— Драная жизнь, драная деревня, — профырчал он, повернулся к двери. — Ладно, парень. Извини, если напугал. Но и вы меня огорошили с новостями, вникаешь?

— А кто это был? — набрался я смелости.

— Кто?

— Ну, тот человек с юга.

Лицо Одноглазого осунулось. Он задумчиво пожевал сухими губами и горько улыбнулся:

— Лучше тебе не знать, парень. Вникаешь? В мире есть столько разной заразы, о которой тебе просто лучше не знать.

Он ушел, больше не сказав ни слова. На улице ревели и выла вьюга, каких давно уже не было в наших краях: шаманские фонари раскачивались как безумные, и страшно дрожали стекла теплицы, сдерживая взбесившийся ветер. Из головы у меня все не шла странная просьба Одноглазого. Как можно продать ледоход?! Где потом жителю севера искать новый корабль? Ведь создать могучий, теплый тягач могут только на сухих верфях большого города, исключительно под надзором опытных шаманов и с десятками умелых инструментариев на подхвате.

Одноглазый не нашел никого, кто захотел бы продать ему ледоход. Я слышал, как в таверне обсуждали странную просьбу диковатого чужака, как посмеивались они над стариком, когда тот заходил за своей ежевечерней порцией настойки. Как отводили глаза, пока он стряхивал с унтов и шкур снег.

День проходил за днем, и я видел, как Одноглазый готовится к тому, чтобы двинуться в сторону Снежной Шапки пешком. Так же, как когда-то пришел к нам. Я видел, как он чинил лыжи или зашивал толстой иглой теплую одежду. Как подолгу корпел над расстеленной на столе картой.

Но уже наступила осень, погода стала портиться. На лед спускались такие жуткие холода, что стонал металл. И Одноглазый остался в деревне. Хотя мне кажется, что его остановили не морозы. Он просто смирился с тем, чего боялся. Сдался. И с того дня почти не показывался на улице. Лишь изредка к нему носил продукты Эрни ан Эрри, второй помощник Боба и мой знакомый. Расторопный малый, но не очень умный и обладающий тяжелой рукой (растения его будто ненавидели — стоило Эрни полить грядку, как с ней что-нибудь случалось: то увядала, то гнивала... Бывают такие люди с дурной рукой). Так что хозяин трактира не позволял ему даже приближаться к теплице, доверяя только мне, себе и собственной жене.

Я же был рад, что старика поручили Эрни. Мне не хотелось лишний раз видеть Одноглазого. Но все равно, когда приходилось идти мимо его дома, мой взгляд словно сам по себе устремлялся в окна. Словно надеялся отметить что-то необычное, найти отгадку незагаданной загадки. По вечерам перед сном, слушая храп двоюродного брата и тихий шум из кухни, где до ночи возилась его жена, я вспоминал странные слова Одноглазого — о скауте и рыбине покрупнее. Ворочался, отыскивая всевозможные варианты, и засыпал нервным сном.

Мне снились гигантские красные рыбы, пожирающие нашу деревню, я видел, как к нам приходит черный лед и все дома рыхлеют, едва их касается тьма, а крыши становятся пеплом и проваливаются, хороня под собой истошно кричащих жителей. Видел, как вырастают вокруг грязно-серые торосы и из-под них хлещет бурая, с зеленоватыми прожилками жижа, а я бегу прочь, прыгая со льдины на льдину, и они уходят у меня из-под ног.

Наконец я оскальзываюсь, нелепо размахиваю руками — и в конце концов падаю в эту омерзительную жижу. Начинаю тонуть, а отвратительная вонючая гадость льется мне в рот, и что-то тянет меня вниз. Я кашляю, хриплю, беспокойно сучу руками... и просыпаюсь.

А потом приехал цирк.

Глава вторая **ЦИРК «ЧЕТЫРЕ ХВОСТА И БРОДЯГА АНИДЖИ»**

Весть о том, что со стороны Снежных Холмов к нам движется цирк «Четырех хвостов и бродяги Аниджи», принесли веселые и шумные акробаты из приближающейся труппы. Примчавшись на своем маленьком, но очень быстром ледоходике, они несколько раз объехали вокруг деревни, взрывая шутихи и зазывая жителей на вечернее представление. После чего они подогнали свой трехгусеничный кораблик к западному причалу — и поспешили в таверну Боба отогреться.

Здесь же, сбросив тяжелые и теплые одежды, они ослепили трактир пестротой своих нарядов и невероятной жизнерадостностью. На них красовались разноцветные штаны и сине-крас-

но-желтые рубахи, лица были разукрашены. Акробаты без усталости паясничали, плясали и совершали различные кульбиты. Мне казалось, что кто-нибудь из них вот-вот свалится и разнужданное веселье в один миг оборвется драмой.

Но я смеялся вместе со всеми и хлопал в ладоши, подбадривая циркачей. В наших краях такое чудо случалось нечасто. В последний раз к нам заезжал странствующий менестрель, и было это еще в прошлом году. Не пробыв и недели, он подался обратно в Снежные Холмы, и, честно говоря, никто из нас не жалел об этом. Пел он отвратно, даже на наш непритязательный вкус. А теперь в забытую Богами деревню прибыл настоящий цирк! Мне не передать той радости, того ощущения праздника, что поселилось в сердце. Я ждал чудес. Я изнемогал от желания увидеть все то, о чем весело кричали зазывалы.

В таверну Пухлого Боба ворвалось настоящее веселье, и с каждой минутой в большой зал трактира набивались все новые и новые жители деревни. Рассаживались у столов, улыбаясь озорным шуткам, но пока ничего не заказывали. Не хотели прерывать маленького представления. Один из акробатов вышел в середину зала и ходил там колесом, пока его товарищ хорошо поставленным голосом рассказывал о «великом таинстве со времен Лазаря Берегового», о «лучшем представлении от Северных гор и до Южного Круга» и «великолепном бродяге Аниджи, хозяине потрясающего цирка «Четыре хвоста». Остальные циркачи вытащили из-под одежд музыкальные инструменты и стали играть заводную мелодию, от которой даже самые скептические слушатели начинали улыбаться. Музыка подхватывала, кружила и целиком заполняла мир нашей сонной деревушки.

Я видел, как мои соседи выстукивают ладонями бодрый ритм и как с каждой минутой в таверне становится все теснее, и даже «холодные» столы, расположившиеся у самой двери, — уже заняты.

— Представление! — кричал глашатай. — Сегодня будет представление! Глотатели огня и танцовщицы с самого Берега.

Играли бубны, резвилась дудочка, и дергал струны походной лютни сероглазый акробат.

— Представление! Диковинные звери и песни Артуриана Славного! Представление!

Впереди должны были быть только радость и праздник. Волшебные дни разудалой ярмарки, праздных шатаний меж торговых ледоходов и лотков с безделушками, веселых песен, хороводов и вечерних представлений. Горячих сладких напитков и разных вкусовостей, за которые не жалко отдать последнюю монету! Пухлый Боб с пониманием отнесся к прибытию цирка и справедливо посчитал, что работа в теплице может и подождать денек. Так что я оказался всецело предоставлен самому себе.

И ни о чем, кроме ярмарки, в тот день не думал. Это было редкое ощущение сиюминутного счастья. Тот исключительный момент, когда ты можешь понять и отделить чувство радостного восторга и дать ему название. Понять, что именно этот момент важен, что именно он расправляет за твоей спиной крылья, а все твоё тело переполняют волнительная легкость и предвкушение чуда. Чуда вполне реального.

Вот что занимало мои мысли, когда Эрни показал мне компас и сказал:

— Смотри, что мне дал Одноглазый!

Он вошел в таверну, когда все места за столами уже были заняты и народ толпился в проходах, вытягивая головы и силясь разглядеть представление циркачей. Эрни уверенно протиснулся через взбудораженную массу ко мне и остановился рядом.

Можно сказать, что мы с ним дружили. Сейчас, оглядываясь назад и вспоминая того белобрысого и вечно лохматого паренька с кривыми передними зубами и молочно-белой тоненькой кожей, — я понимаю, что он-то со мной действительно дружил. А вот с моей стороны это сложно было назвать дружбой. Нехорошо, конечно, нельзя открешиваться от своего прошлого. Мы — это то, что осталось в памяти окружающих, как бы нам ни хотелось думать иначе.

Ему было немногим меньше моего, но я почти никогда не воспринимал его всерьез. Кроме того случая.

— Что это? — Я посмотрел на маленькую коробочку, зажатую в меховой рукавице. Эрни счастливо улыбался, наслаждаясь моим вниманием. Глаза парня заблестели от удовольствия, а я почувствовал, как злюсь на то, что он тянет время, отвлекая меня от веселья циркачей.

Акробаты веселились, глашатай загорланил известную песню про Ледового Короля и шаркуна, и слова подхватили во всех уголках таверны, отбивая ритм по столам и топоча ногами. Я не пел. Моим вниманием завладела черная коробочка с вырезанными на ней гравюрами. В темноте зала было сложно понять, что на них изображено, и слишком утонченным казался сам рисунок.

— Одноглазый сказал, что это из Ледяной Цитадели! Компас! — жарко прошептал Эрни. Он жадно ловил мой взгляд и радостно просиял, когда с моих уст сорвалось:

— Ух ты!

Вне всяких сомнений, эта штука бывала в Ледяной Цитадели. Прикрыв ее от чужих глаз, я посмотрел на Эрни и кивнул в сторону прихожей:

— Пойдем!

Мы ловко протиснулись сквозь галдящую и веселящуюся толпу, проскользнули в темную прихожую, и я сразу же запахнул. Здесь было чуть выше нуля, но после теплого, почти жаркого зала эта прохлада очень бодрила.

От уличной двери ощутимо тянуло холодом.

Эрни с благоговением вытащил резную украшенную коробочку и, высунув язык от сосредоточенности, открыл ее. Темнота прихожей озарилась голубоватым пульсирующим светом, и я увидел, что стрелка компаса мягко сияла бирюзой. По краям ее разбегались в стороны красненькие огоньки, а центральная ось, на которой держалась сама стрелка, блестела золотом.

— Ого! — прошептал я. — Вот это да!

— Интересно, куда он показывает? Как думаешь? — Эрни был счастлив. В мягком свете артефакта его лицо показалось мне ликом сказочного существа.

— Не знаю... — Я осторожно забрал у него компас, почувствовав, как он испугался — на один-единственный миг, но испугался, — что у меня хватит наглости отобрать подарок Одноглазого. Стрелка качнулась и уткнулась куда-то за окно. Куда-то на юг.

Я повернулся, и компас послушно отреагировал на мое движение. Бирюзовая стрелка скользнула по кругу и остановилась, успокоившись.

Она указывала туда же, куда и до этого.

— Как ты думаешь, что там?! — спросил Эрни.

Мне так не хотелось отдавать ему это сокровище. Темная частичка моей души хотела обладать этой, может быть, даже бесполезной игрушкой. Но я пересилил себя и вложил коробочку в ладошку приятелю.

— Он сказал, что я очень хорошо работал. Он сказал, что я заслужил ее, — сиял от радости Эрни. Таким я его и запомнил. Стоящим в темноте прихожей, в голубоватом свечении компаса. От его дыхания в воздухе повисали облачка пара, которые тотчас рассеивались, растворяясь.

У него были такие счастливые глаза...

— Цирк едет! Ци-и-и-ирк! — радостно и пронзительно закричал снаружи Тони Пискаля. И мы с Эрни вздрогнули, переглянувшись. Эрни сунул коробочку себе за пазуху, торопливо застегнулся и бросился из таверны на улицу, а я поспешил в зал, где веселились акробаты. Схватил висящий на грубой вешалке тулуп, шапку, сунул ноги в унты и побежал следом за приятелем.

К деревне вдоль путеви́ков ползла вереница ледоходов. Самым первым шел покрашенный в белый цвет двухпалубный скорт охраны. Солнце уже взошло достаточно высоко, и снег слепил глаза, таким образом скрывая черты хищного, приземистого корабля. Я поспешно нацепил очки, наблюдая за процессией.

Защищенные броней гусеницы скорта вгрызались в лед, поднимая в воздух морозную крошку. Орудийные порты были надежно закрыты, и это неудивительно. Кому здесь воевать с циркачами? А бдеть ревностно и только ради жесткой дисциплины — так это вколачивают солдатам далеко на юге, где есть регулярная армия. У нас все проще да спокойнее. Обычные наемники-охранники, как и все, любящие тепло и мирную службу. Зачем лишний раз палубы вымораживать?

За охраной катился обычный корабль, попроще, скорее всего торговый, а вот следом грохотал сам цирк. Огромный многопалубный ледоход высотой ярдов, наверное, в сорок, если не больше. Мощные гусеницы, расположенные вдоль бортов, неумолимо крошили стенающий, раненный предыдущими странниками лед. Медленно и неотвратно вращались гигантские четырехъярдовые железные колеса, приводящие в движе-

ние грубые, обледеневшие, скрежещущие траки. Страшно представить, сколько времени и сил уходит у команды, когда от усталости металла лопаются «пальцы» и невероятно большие гусеницы сползают с катков. Открыв рот, я смотрел на приближающееся чудо.

На верхней палубе корабля находился разукрашенный купол, по обе стороны от которого в небо тянулись трубы, чадающие черным дымом от сгоревшей энгу. Чуть ниже была парадная палуба для гостей и потому богато украшенная, ухоженная, с рядами окон и перилами для прогулок на свежем воздухе. Еще ниже, как я понимал, находилась жилая палуба, где обитали сами циркачи и команда ледохода. Последние три палубы скрывали в себе трюм, машинные отсеки, мастерские для ремесленников цирка, помещения для баков с энгу, запчасти, возможно, торговые блоки и прочая-прочая-прочая.

Я остановился рядом с Эрни, который восторженно смотрел на движущиеся ледоходы. Караван циркачей с каждой минутой был все ближе к деревне.

— Здорово, правда? — сказал мне Эрни, и я кивнул, соглашаясь. Колючий мороз щипал щеки, сияло солнце, искрился снег на пушистых крышах домов, царило почти полное безветрие, и жизнь казалась настоящим подарком, невзирая на все ее трудности. Я предвкушал, как вечером, стоя в теплой зале, буду смотреть представление, о котором, кто знает, может быть, буду вспоминать, когда совсем состарюсь.

Цирк неторопливо обогнул деревню и остановился на северной окраине, ярдах в двухстах от тягача Пухлого Боба, показавшегося игрушкой в сравнении с гигантским ледоходом «Четырех хвостов». Работа в Кассин-Онге замерла. Все, абсолютно все погрузились в подготовку к неожиданной ярмарке. Наш полубезумный инструментарий Форж возился со своими бесполезными, но всегда милыми игрушками, надеясь сбить их чужестранцам. Кто знает, может быть, и приглянется кому-то из циркового каравана ходящая кружка или самоподсекающая удочка. В нашей деревне никто товарами Форжа не пользовался, а коллеги по цеху над ним даже не смеялись. Ворчали только и отводили глаза, когда встречали.

Санса, засучив рукава, пекла лепешки, которые появлялись на столах только по праздникам (у Пухлого Боба не очень-то и росли травы, дающие нужное зерно), с шахты приехали рыбаки ан Арконы вместе со свежим уловом и старыми запасами копченой да вяленой рыбы. Где-то доставали из подвалов древние инструменты, кто-то вытряхивал из сундуков ненужную одежду. На ярмарке в ход могло пойти все что угодно.

Пухлый Боб стоял на крыльце своего дома и смотрел на суету с ленивым прищуром. Сегодня было тепло, воздух прогрелся до минус десяти градусов, и хозяин теплиц вышел на улицу без шапки, наслаждаясь солнечными лучами и собственным величественным бездельем. Сегодня ему нет нужды суетиться, разве что только если он хочет отведать лепешек Сансы до того, как жена начнет обменивать их на безделушки с ярмарки. А готовить товары да лихорадочно придумывать, что можно предложить на торги, — это не к нему. Боб — самый богатый человек в деревне, и расплачиваться он будет самым ходовым товаром к югу отсюда: порошком черноуса да хорошей, сочной землей. Хотя последнюю он вряд ли решит менять. Все-таки его ферма — единственная на много лиг вокруг, а без свежей зелени можно быстро заболеть и сойти в могилу. Впрочем, я знал, что у Боба также есть множество различных монет с юга, но здесь, у нас, они не стоили ничего, и, возможно, он воспользуется шансом сплавить эти деньги на ярмарке.

Вечер неумолимо близился, и вместе с тем все оживленнее и оживленнее становилось в деревне. Я сходил с ума от нетерпения и то и дело заглядывал в главный зал трактира, выискивая для этого самые нелепые причины. В таверне уже гуляли несколько наемников из цирка и парочка странно раскрасневшихся женщин оттуда же. Я слушал их шутки, от которых горело лицо и хотелось куда-нибудь спрятаться. Охранники громко ржали и хлестали шаркуновую настойку, словно это была вода, а томные, пышнотелые гости жадными, горячими взглядами охаживали посетителей и делились наблюдениями с увешанными оружием товарищами.

Каждый комментарий вызывал новый прилив хохота. А затем одна из женщин, высокая, красивая, с жестким прищуром зеле-

ных глаз, вдруг увлекла наверх, в жилые комнаты, крупного наемника, и его товарищи проводили их завистливым улюлюканьем.

Это были чужие люди. Непонятные. Но я наблюдал за ними с той же страстью, с которой измученный путник грызет обманчивый лед, не зная, что тот все равно не утолит сумасшедшей жажды.

Мне было так интересно попытаться встать на место случайных гостей, для которых мой родной Кассин-Онг, место, где прошла вся моя жизнь, — лишь маленькая точка на огромной карте. Далекое захолустье, о котором они пару дней назад могли и не знать.

Такие мысли будоражили мой разум. Чем я хуже этих людей? Быть может, и я когда-нибудь в компании с красавицей буду сидеть в незнакомом трактире незнакомо города, а из темного угла за мной будет наблюдать местный мальчуган, только-только обзаведшийся хоть какой-то мечтой.

Где-то ближе к началу ярмарки над цирком загорелись разноцветные огни. Яркие гирлянды опутали гигантский ледоход, а перед вгрызшимися в лед гусеницами веселились уже знакомые нам акробаты, развлекаая собирающийся народ.

Вместе с цирком к нам приехало много разного люда. Были здесь и хмелевары, были и инструментарии вроде наших Форжа, Кунца и Уэнса. Ткачи, торговцы экзотическими товарами вроде чучел южных животных, зельделы... Цирк окружили небольшие ледоходики с людьми, предлагающими свои услуги, прежде чем хозяин огромного корабля объявит о начале выступления и разрешит подниматься на верхнюю палубу.

Кое-кто из чужаков просто бродил по нашей деревне, искренне удивляясь домам, стоящим на высоких, упирающихся в полозья сваях. Казалось, их удивляло все — от навесных дорожек, объединяющих наши жилища в единую паутину, до кажущихся брошенными ледоходов, среди которых хватало судов, что не отходили от причалов уже несколько лет.

Тех загадочных людей я отметил чисто случайно. Трое мужчин и две женщины тем отличались от прочих гостей, что смот-

рели на нас, жителей деревни, без любопытства. Не указывали пальцами, не хихикали в ладоши над нашим произношением и нашими одеждами.

Они были вежливы, добры и милы, громко смеялись и, казалось, веселились. А одна из девушек, очень красивая, с ярко-рыжими волосами — подарила мне леденец. Ее спутники странно улыгнулись такому широкому, на мой взгляд, жесту, но ничего не сказали.

Один из них мне очень не понравился. Это был крепкий бородатый мужчина лет сорока, но без единой седины в кучерявых волосах. Его борода была настолько черной, что казалась просто неестественной. А глаза...

Я до сих пор помню его глаза. Темные-темные, глубоко посаженные и страшно тусклые. В них царили пустота и отчаянье, даже когда бородач хохотал над шутками своих товарищей.

Наверное, в том, что случилось в Кассин-Онге, моей вины гораздо больше, чем можно было бы подумать... Мне стоило встревожиться. Может быть, имело смысл сразу обратиться к наемникам цирка, невзирая на то что они бы точно подняли меня на смех. Пришел, понимаешь ли, какой-то деревенский дурак и начал убеждать опытных воинов, что почтенный «кто-то там» кажется провинциальному эмпату странным. Да для такой глухомани каждый второй будет казаться подозрительным, решат ярмарочные охранники.

Но я не чувствовал этого странного человека. От него не исходило ровным счетом никаких эмоций. Словно душа его давно истлела и отправилась напрямик в ледяную преисподнюю кормить Темного Бога. Он дышал, он говорил, он улыбался, но при этом он был мертв.

Поэтому я принял одно-единственное решение, которое показалось мне верным: рассказать обо всем Сканди. Признаюсь, это далось мне непросто. Все-таки ярмарка. Цирк. Время беззаботного веселья, которое так не хотелось менять на угрюмую слежку, и уж тем более на дорогу к кораблю-храму нашего шамана. И тут я вдруг почувствовал себя защитником Добрых. Членом таинственного братства, столкнувшегося со злом. Эта игра увлекла меня так, что я вскоре забыл про свою жажду увидеть глотателей огня. Прицепившись хвостом к странным лю-

дям, я трезво рассудил, что успею добраться до ледохода Сканди, если увижу что-то подозрительное и найду доказательства своим опасениям.

Храм шамана находился за пределами деревни. От нас его отделяла широкая гряда торосов, и в последнее время Сканди предпочитал принимать жителей у себя, чем ходить в Кассин-Онг. Впрочем, по выходным у него всегда собирались прихожане. На хранящей полумрак нижней палубе его вечно промерзшего ледохода находились алтари Темного и Светлого богов. Широкий черный камень, матово поблескивающий в свете фонарей, и белый куб, который, казалось, светится изнутри.

Они стояли друг напротив друга, как предписывало то древнее и загадочное учение, о котором Сканди часто рассказывал. Пока мужчины топтались у алтаря Темного Бога, а женщины клали дары Светлому, — шаман трескучим голосом вспоминал старые легенды и вещал о настолько давних событиях, что мы частенько думали, будто он их и придумал.

Но я отвлекся...

Странные люди крутились на ярмарке скорее для виду, чем из интереса. Я видел, как несколько раз та красивая женщина и «мертвый» бородач смотрели в сторону деревни, и мне казалось, будто они разглядывают дом моего отца. И от рыжеволосой гостьи исходило чуть холодное вежливое любопытство и непонятное предвкушение.

В их спутниках чувствовались лишь скука и желание поскорее покинуть это место. Двое плечистых мужчин и вторая женщина были похожи. Одеждой, ростом, манерой двигаться. Они будто вовсе не двигали плечами при ходьбе — даже когда поворачивались, делали это всем телом, а не как обычные люди. А еще они чего-то боялись, и мне показалось, что их страх как-то связан с их «мертвым» товарищем.

У меня между лопатками пробежали мурашки.

На Кассин-Онг вместе с морозом спускалась ночь, отчего цирковые гирлянды горели все ярче и праздничнее. Теплый день остался позади, солнце закатилось, и холод выбрался из укрытия, обняв деревню. Но вокруг огромного ледохода гудел собирающийся народ, а мимо лотков празднично шатались как жители нашей деревни, так и приезжие. Вкусно пахло выпечкой и благовониями. Морозу пришлось отступить прочь от лю-

дей, предоставив им шанс позабыть на время о привычном холоде. Горизонт дышал розовыми красками. Там, на краю неба и льда, свет еще боролся. Здесь он уже проиграл. На небе вовсю сверкали звезды.

Я старался держаться на возвышении у врубленного в лед столба, по которому пытался залезть кто-то из циркачей и достать связку вяленой рыбы, привязанную наверху. Он смешно извивался всем телом, забираясь все выше, а затем под разочарованный гул зрителей соскальзывал вниз по обледенелому дереву, но не сдавался и вновь шел на штурм. Лицо его покраснелось от внутреннего жара, глаза сверкали, и я чувствовал, что он специально оскальчивается, развлекая толпу своими неудачами.

В ней все чаще раздавались хорохорящиеся крики, а Эльнар ан Гаст, наш лучший охотник, громко призывал освободить ему столб, чтобы он показал «этому бродяге настоящую снорковку». Именно благодаря веселым выкрикам Эльнара я и отвлекся на пару минут от наблюдения, а когда опомнился, не сразу и нашел своих подопечных.

Они поднялись на примыкающую к ярмарке платформу и пошли, рассекая телами собирающихся на ярмарку людей, в деревню. Мое сердце заколотилось как безумное, и я посмотрел вокруг, надеясь, что увижу либо Сканди, либо Глонгу. Конечно, ни старосты, ни шамана на ярмарке не было...

Сейчас мне не ясно, чем бы они смогли помочь тогда. Какие бы слова нужно было найти, чтобы не прослыть дураком. Но нет смысла так ворошить мысли прошлого. Что сделано, то сделано. Я решил идти сам. Спустившись вниз и протиснувшись сквозь толпу зевак, подбадривающих циркача на шесте, я ненадолго потерял незнакомцев из виду, но затем, забравшись на дорожку, увидел, как они свернули направо, на расчищенную дорожку, ведущую через мостики в сторону моего дома.

И дома Одноглазого.

Я пошел так быстро, как мог идти, не привлекая к себе внимания. Благодарение Темному Богу, между тем островком, примыкающим к ярмарке, и жилищем старого моряка было по меньшей мере шесть платформ, и мне не составляло труда преследовать странных гостей незамеченным, смешиваясь с зеваками, а то и просто прячась за углами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая. Одноглазый</i>	9
<i>Глава вторая. Цирк «Четыре хвоста и бродяга Аниджи»</i>	21
<i>Глава третья. След ледовой гончей</i>	38
<i>Глава четвертая. Начало долгого пути</i>	49
<i>Глава пятая. Эльм и Фарри</i>	58
<i>Глава шестая. Все иначе и горячий перцовый чай</i>	69
<i>Глава седьмая. Смерть во льдах</i>	77
<i>Глава восьмая. Пурга</i>	90
<i>Глава девятая. Рыбацкая шахта и Найвэл</i>	102
<i>Глава десятая. Доктор Эккер и тайна Фарри</i>	120
<i>Глава одиннадцатая. Бегство</i>	133
<i>Глава двенадцатая. Снежная Шапка — Трущобы. Лайла</i>	142
<i>Глава тринадцатая. Снежная Шапка — Трущобы. Конец дружбы</i>	151
<i>Глава четырнадцатая. Фарриан ан Лавани, добрый сын</i>	165
<i>Глава пятнадцатая. Лаум, Фарри и Паскуда</i>	177
<i>Глава шестнадцатая. Снежная Шапка — Торговый район. Звездный Головач</i>	186
<i>Глава семнадцатая. Теплица Раска и Солнечные Глазки</i>	200
<i>Глава восемнадцатая. Шэлли</i>	208
<i>Глава девятнадцатая. Встреча со смертью</i>	216
<i>Глава двадцатая. Быть эмпатом</i>	226
<i>Глава двадцать первая. Дурные вести</i>	239
<i>Глава двадцать вторая. Встреча на похоронах торговца</i>	248
<i>Глава двадцать третья. Жизнь полна сюрпризов</i>	257
<i>Глава двадцать четвертая. Жертва</i>	272
<i>Глава двадцать пятая. Чужие решения</i>	287
<i>Глава двадцать шестая. По заслугам</i>	299